

УДК 821.161.1-1.09

ВИКТОРИЯ ЛЮЛЬКА
(Полтава)

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ИРОНИИ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Ключові слова: іронія, роман у віршах, образ, мотив.

Последнее время понятие иронии все чаще оказывается в центре внимания отечественных и зарубежных литературоведов. Однако на сегодняшний день границы и содержание понятия «ирония» в литературоведении не выяснены окончательно, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии и разнообразные толкования термина. Иронию можно рассматривать как элемент комического, который являет собой «насмешку, замаскированную внешне благопристойной формой» [2, с.321], цель которой – «не смешить, не развлекать, а, напротив, подчеркнуть всю серьезность, порой даже трагичность положений и ситуаций» [9, с.51]. Классифицируя виды иронии, С.Аттардо выделяет Сократову иронию, драматическую иронию, иронию

ситуативную, а также вербальную иронию [10]. О.Н.Николенко определяет иронию как «художественный троп, который выражает насмешливо-критическое отношение художника к предмету изображения» [6, с.40].

На Украине проблемой иронии занимался Р.А.Семкив. Литературовед разграничивает типы иронии, исходя из их функций в художественном тексте. Он дает определение иронии как «сложному высказыванию, в котором реализуется два или больше противоречивых между собой смысла, один из которых может претендовать на статус истинного» [8, с.14].

Таким образом, ирония – это элемент комического, художественный троп, употребление высказываний в отрицательном (негативном) смысле, прямо противоположном действительности. В произведении ирония может проявляться на разных текстовых уровнях.

Понятие иронии актуализируется в эпоху романтизма. Романтики широко использовали иронию с целью раскрытия несовершенства мира, а также конфликта романтического героя с действительностью. Ирония в произведениях романтизма была одним из способов выражения авторской позиции. Через иронию выражалось критическое отношение автора к абсурдному миропорядку, к общественным и человеческим порокам.

В создании реалистического романа «Евгений Онегин» А.С.Пушкин опирался на достижения романтизма, в том числе и в области иронии, значительно расширив ее формы и функции в соответствии с новым объективным художественным видением.

Вопросу иронии в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» уделяли большое внимание В.В.Виноградов [1], Ю.М.Лотман [3], Г.П.Макогоненко [4], В.В.Набоков [5] и др.

Ироническое отношение автора к главному герою мы находим уже на первых страницах романа. Онегин мог «с ученым видом знатока // Хранить молчанье в важном споре», «запомнил, хоть не без греха // Из Энеиды два стиха», «не мог он ямба от хорея // Как мы ни бились, отличить» [7, с.8]. Таким образом, о Евгении Онегине можно судить двояко: с одной стороны, он, как вполне образованный человек, умел поддержать любую беседу. Но, с другой стороны, автор шутя указывает на большие пробелы в образовании Евгения; его знания поверхностны, он ничем не интересовался всерьез. И в конце подытоживает: «Свет решил, // Что он умен и очень мил» [7, с.7]. Ю.М.Лотман отмечает в этом эпизоде иронические ноты, поскольку в стихах заложено противоречие «между характером способностей героя и выводом света о его уме» [3, с.552]. Продолжая рассказ о главном герое, А.С.Пушкин вновь прибегает к ироническому описанию, что подчеркивает «противоречия между реальным уровнем знаний Онегина и представлением о нем «общества», в свете которого умственный кругозор людей светского круга является в еще более жалком виде» [3, с.554]. Онегин знал достаточно по латыни для того, чтобы «потолковать об Ювенале» [7, с.8], «однако соединение имени Ювенала с небрежным «потолковать» и общий контекст рассуждения о слабом знании Онегиным латыни придают онегинским разговорам о Ювенале ироническую окраску» [3, с.556].

Чтение Онегина носит избирательный характер: «Бранил Гомера, Феокрита; // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконом» [7, с.8]. Ироническая оценка автора содержится в словосочетании «глубокий эконом»,

поскольку эти строки говорят о противоречии в характере Онегина: с одной стороны, скептическое отношение к классической литературе и англоманья («Как денди лондонский одет» и «был глубокий эконом», то есть был увлечен политэкономией А.Смита); с другой, – умение ценить высокохудожественные произведения своего времени, что сближает его с автором: «Однако несколько творений // Он из опалы исключил; // Певца Гяура и Жуана» [7, с.123].

Описывая кабинет «философа в осьмнадцать лет» [7, с.14], автор использует непрямую иронию в сочетании с интертекстуальностью. Ю.М.Лотман отмечает, что кабинет Онегина «включает и отзвуки одновременно иронического и сочувственного изображения быта щеголя в стихотворении Вольтера «Светский человек» [3, с.571].

Евгений Онегин имел недуг, «подобный английскому сплину, // короче: русская хандра» и, переживая все это, «он застрелиться, слава богу, // Попробовать не захотел, // Но к жизни вовсе охладел» [7, с.20], «хандра ждала его на страже, // И бегала за ним она, // Как тень иль верная жена» [7, с.25]. В данном эпизоде автор с иронией отмечает, что герой его охладел к жизни, но у него не возникло мысли что-то изменить либо покончить жизнь самоубийством. Так он и продолжал жить в бездействии, пассивно. Упоминание слова «сплин», которое отсылает читателя к «Паломничеству Чайльд Гарольда» Дж. Байрона, также имеет иронический оттенок. Образ Евгения Онегина имеет иронически сниженное содержание по отношению к байроновскому герою.

Читая книги, Онегин не узнавал новое и полезное, он «читал, читал, а всё без толку» лишь для того, чтобы «себе присвоить ум чужой». Ироническая игра слов – «И устарела старина, // И старым бредит новизна», – раскрывает отношение к знаниям всего онегинского поколения. В конце строфы А.Пушкин акцентирует разочарованность героя: «Как женщин, он оставил книги» [7, с.21]. Как и книги, женщины надоели Онегину, это была всего лишь «наука страсти нежной», и «красавицы недолго были // предмет его привычных дум» [7, с.19].

Мотив скуки, который является ведущим в характеристике героя, усиливается с помощью иронических замечаний автора. А.Пушкин отмечает, что Онегин выражался в разговоре зло, язвительно, но он привык «к его язвительному спору, // И к шутке, с желчью пополам, // И злости мрачных эпиграмм» [7, с.22]. Получив «печальное посланье» и узнав, что дядя находится в деревне при смерти, Евгений «стремглав по почте поскакал // И уж заранее зевал, // Приготовляясь, денег ради, // На вздохи, скуку и обман» [7, с.24]. Мы видим тут ироническое отношение и автора, и Онегина к происходящему, ведь называя полученное послание печальным, автор понимает, что герой уже давно ждал смерти дяди, которого он практически не знал.

В первой строфе второй главы слышна еле заметная ирония – когда автор описывает «прелестный уголок», деревню, куда приехал Онегин. Чем более углубляется в изображение деревни, тем слышнее ирония. Дом дядюшки Онегина назван «почтенным замком», хотя обставлен он весьма скромно: «два шкафа, стол, диван пуховый...» [7, с.29]. Слово «замок» вызывает мысли о феодале, которому подчинены безропотные вассалы. Ю.М.Лотман же отмечает, что «наименование помещичьего дома «замком», видимо, связа-

но с ощутимой и для автора, и для читателей параллелью между приездом Мельмота, героя романа Метьюрина, в замок дяди и приездом в деревню Онегина» [3, с.587]. Такая параллель, по его мнению, имела иронический характер и подсказывала ложное ожидание напряженно-авантюрного развития сюжета, который предполагался после приезда героя в «замок». В продолжение ироничной характеристики Онегина автором можно отметить рассказ о том, чем занимался Евгений на протяжении восьми лет; он был занят плотскими утехами: «Вот как убил он восемь лет, // Утрата жизни лучший цвет» [7, с.64].

Жизнь покойного дяди Онегина описывается автором в ироничных тонах: «Лет сорок с ключницей бранился, // В окно смотрел и мух давил» [7, с.29]. Старик не читал книг, в шкафу Онегин нашел лишь «тетрадь расхода» и «наливок целый строй, // Кувшины с яблочной водой», что характеризует его как человека, который ничем не занимался и любил выпить. Однако поэт добавляет: «Старик, имея много дел, // В иные книги не глядел». Ю.Лотман находит в этом заявлении ироническое указание на условную форму «отказа от продолжения разговора» [3, с.671].

Когда в романе появляется новое действующее лицо – Владимир Ленский, «красавец в полном цвете лет», «полурусский сосед», завидный деревенский жених, ракурс авторской иронии перемещается на него. Описание его внешности и поступков пропитано легкой иронией, А.Пушкин представляет его читателям в виде романтического образа, вольнолюбивого и не приспособленного к реальной жизни: «Он забавлял мечтою сладкой // Соменья сердца своего; // Цель жизни нашей для него // Была заманчивой загадкой», «Он верил, что друзья готовы // За честь его принять оковы» [7, с.31], «Простим горячке юных лет // И юный жар и юный бред» [7, с.34], «Свою доверчивую совесть // Он простодушно обнажал» [7, с.35].

Поведение Ленского перед дуэлью описано автором также в ироническом ключе. Владимир возомнил себя романтическим героем, который во что бы то ни стало должен защитить честь прекрасной дамы: «Он мыслит: «Буду ей спаситель. // Не потерплю, чтоб развратитель // Огнем и вздохом и похвал // Младое сердце искушал» [7, с.103]. В данном эпизоде следует выделить гиперболу, которая выступает одной из форм иронии. Дома Ленский «берет перо; его стихи; // Полны любовной чепухи» [7, с.105], а под утро «на модном слове идеал // Тихонько Ленский задремал» [7, с.106]. И даже после смерти поэта А.Пушкин иронично рассуждает о том, что ждало бы Ленского, не будь он убит Онегиным на дуэли: «Быть может, он для блага мира // Иль хоть для славы был рожден; // Его умолкнувшая лира // Гремучий, непрерывный звон // В веках поднять могла» [7, с.111], «А может быть и то: поэта: // Обыкновенный ждал удел <...> Расстался б с музами, женился, // В деревне, счастлив и рогат, // Носил бы стеганный халат <...> Подагру б в сорок лет имел, // Пил, ел, скучал, толстел, хирел» [7, с.112]. Здесь ирония достигается с помощью разнородной лексики. С одной стороны, речь наполнена книжными словами, элементами высокого стиля: «умолкнувшая лира», «гремучий, непрерывный звон», «страдальческая тень», «животворящий глас»; с другой – автор употребляет обыденную лексику, просторечие: «счастлив и рогат», «подагра», «пил, ел, скучал, толстел, хирел», «плаксивых баб», «лекарей».

Младшая дочь Лариных Ольга также предстает пред нами в ироническом изображении как типичная героиня романтических произведений: «любой роман // Возьмите и найдете верно // Ее портрет» [7, с.37]. А.Пушкин не выделяет в ней никаких особенных черт, она хороша собой, но «ее портрет: он очень мил, <...> Но надоел он мне безмерно» [7, с.37]. Да и Онегин после знакомства с Ольгой удивляется, почему Ленский влюбился именно в младшую сестру: «В чертах у Ольги жизни нет», иронично сравнивая ее с луной: «Кругла, красна лицом она, // Как эта глупая луна // На этом глупом небосклоне» [7, с.46]. После смерти Ленского Ольга сразу же нашла ему замену: «Не долго плакала она. // Увы! Невеста молодая // Своей печали неверна <...> Она стыдливо под венцом // Стоит с поникшей головою, // С огнем в потупленных очах, // С улыбкой легкой на устах» [7, с.118].

Примечательно, что Татьяна Ларина – это единственный персонаж в произведении, который не затронут авторской иронией. Она – «милый идеал» поэта. Письмо Татьяны Онегину было написано на французском языке, в связи с этим А.Пушкин объясняет причину: «Доныне дамская любовь // Не изъяснялася по-русски, // Доныне гордый наш язык // К почтовой прозе не привык» [7, с.54], – и добавляет: «Я знаю: дам хотят заставить // Читать по-русски. Право, страх! // Могу ли их себе представить // С «Благонамеренным» в руках!» [7, с.55]. В примечаниях А.Пушкин указывает, что «Благонамеренный» – это журнал, издаваемый покойным А.Измайловым. Ю.М.Лотман считает, что употребление в тексте названия журнала было специфическим, поскольку отношение А.Пушкина к А.Измайлову было ироническим, а «журнал «Благонамеренный» был мишенью насмешек Пушкина, Дельвига, Баратынского и Вяземского» [3, с.622].

В описании атмосферы, в которой формировалась Татьяна, также используются приемы иронии с целью развенчания пошлости и косности существования. Мать Татьяны и Ольги «любила Ричардсона // Не потому, чтобы прочла, // Не потому, чтоб Грандисона // Она Ловласу предпочла» [7, с.40], а лишь потому, что ее московская кузина княжна Алина часто рассказывала про эти романы. Автор иронично рассказывает о том, как она начала вести себя в деревне: «Звала Полиною Прасковью», «И русский Н как N французский // Произносить умела в нос». Однако вскоре все переменялось, она снова начала называть «Акулькой прежнюю Селину» и «обновила наконец // На вате шлафор и чепец» [7, с.41].

Довольно много примеров пушкинской самоиронии находим в романе, когда автор намеренно приуменьшает собственные возможности и знания с определенной художественной целью. Так, например, первая глава «Евгения Онегина» переполнена иностранными словами, автор использует их для того, чтобы полнее описать жизнь общества того времени, раскрыть образ главного героя. Однако А.Пушкин заявляет, что просто не может перевести эти слова: «Панталоны, фрак, жилет, // Всех этих слов на русском нет; // А вижу я, винюсь пред вами, // Что уж и так мой бедный слог // Пестреть гораздо б меньше мог // Иноязычными словами» [7, с.15].

Сюжет романа «Евгений Онегин» включает элемент ситуативной иронии. Герои обманываются в своих ожиданиях, их поступки имеют результат, противоположный запланированному. Так, Ленский, желая защитить честь любимой женщины, погибает на дуэли, а его возлюбленная в скором вре-

мени находит ему замену. Онегин, который не отвечает на любовь Татьяны, через некоторое время влюбляется в нее, но уже не находит взаимности. Эти моменты несовпадения имеют иронический характер, который достигается с помощью приема «кольцевой композиции».

Таким образом, проанализировав формы и функции авторской иронии в романе, можно сказать, что несомненным достоинством иронии пушкинского романа «Евгений Онегин» нам представляется ее многоплановость, многомерность, сочетание внешней емкости с лаконичностью формы. Иронический смысл, создаваемый автором с помощью огромного набора языковых средств, возбуждает самые разнообразные ассоциации, в том числе и образные. Стилистические средства иронии в романе настолько многообразны, что заслуживают специального лингвистического анализа. Мы же ограничимся выводом о том, что основные функции иронии в романе А.С.Пушкина – это функции сюжетобразующая, имагологическая и стилистическая. Ирония в романе раскрывает отношения между героями и, шире, – между бытующими представлениями и действительностью. Основные формы иронии в романе «Евгений Онегин» – вербальная, ситуативная, а также пародия. А.С.Пушкин использует прямую (открытую) и непрямую (скрытую) иронию. Иронический подтекст во многом создают формы интертекстуальности в романе (цитация, аллюзии, реминисценции и др.).

ЛІТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1941. – 618 с.
2. *Літературознавчий словник-довідник* / [ред. Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін.]. – К. : Академія, 1997. – 752 с.
3. *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография Писателя. Статьи и заметки. «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2003. – 848 с.
4. *Макогоненко Г. П.* Роман Пушкина «Евгений Онегин» / Г. П. Макогоненко. – М. : Худож. лит., 1963. – 146 с.
5. *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : пер. с англ. / науч. ред. и авт. вступ. ст. В. П. Старк. – СПб. : Искусство – СПб ; Набоковский фонд, 1998. – 927 с.
6. *Ніколенко О. М.* Романтизм у поезії. Г. Гейне, Дж. Г. Байрон, А. Міцкевич, Г. Лонгфелло: посіб. для вчителя / О. М. Ніколенко. – Х. : Веста : Ранок, 2003. – 176 с.
7. *Пушкин А. С.* Избранные произведения : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1970. – Т.2. Романы. Повести. – 479 с.
8. *Семків Р. А.* Іронічна структура: типи іронії в художній літературі / Р. А. Семків. – К. : Академія, 2004. – 135 с.
9. *Тимофеев Л. И.* Краткий словарь литературоведческих терминов : кн. для учащихся / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.
10. *Attardo S.* Irony As Relevant Inappropriateness / S. Attardo // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. New York, London. 2007. – С. 135 – 172.

ВИКТОРИЯ ЛЮЛЬКА

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ИРОНИИ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Данная статья посвящена анализу иронии в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Уточнено понятие иронии и определены его формы в художественном тексте. Раскрыты формы и функции иронии как текстовых составляющих стиля в романе «Евгений Онегин».

Ключевые слова: ирония, роман в стихах, образ, мотив.

VIKTORIIA LIULKA

FORMS AND FUNCTIONS OF THE IRONY IN THE NOVEL
«EVGENIY ONEGIN» WRITTEN BY A.PUSHKIN

This article is devoted to the analysis of the irony in the novel «Evgeniy Onegin» written by A.Pushkin. The definition of irony is specified here, and it is defined its forms in the work of art. In the article the forms and functions of the irony as the text components of style in the novel «Evgeniy Onegin» are discovered.

Key words: irony, novel in verses, image, motive.

Одержано 22.07.2010 р., рекомендовано до друку 30.08.2010 р.